

Ци Шу был принят в Куньлунь Небесным Почтенным Линсяо, когда ему было двенадцать или тринадцать лет.

В то время вся его родная деревня была в одночасье вырезана и разграблена. Три дня и ночи он прятался в сухом колодце, пока с неба не сошёл белый свет и не поднял его в тёплые объятия.

Когда белый свет рассеялся, он увидел своего учителя.

Когда он только появился в Куньлуне, Ци Шу ещё не отошёл от своего горя, поэтому Гу Ханьцзян ел с ним, жил с ним и хорошо заботился о нём.

Это был не первый раз, когда его лечили, и не первый раз, когда его раздевали.

Но сейчас, в этот момент, Ци Шу почувствовал себя странно.

Особенно когда его учитель сказал это со спокойным и серьёзным выражением лица, как будто не чувствовал, что в его словах есть что-то неправильное.

Единственный, кто чувствовал себя не в своей тарелке, был Ци Шу.

Ци Шу хотел сразу же убежать, бросив талисман исчезновения, но Гу Ханьцзян всё ещё держал его за плечо. Усилие было лёгким, а ладонь прохладной, но в ней был намёк, от которого он не мог отказаться.

Поэтому дрожащими руками под взглядом учителя он развязал пояс, который тщательно надевал утром.

Халат бессмертного был мягким, как шёлк, и стоило ему потянуть за воротник, как ткань скользнула вниз.

Открылся небольшой кусочек белого плеча.

Ци Шу так нервничал, что даже не смел поднять голову, и, естественно, не заметил внезапного изменения взгляда своего учителя.

Как и слегка сбившегося на мгновение дыхания.

— Повернись, — голос Гу Ханьцзяна стал совсем тихим.

Ци Шу издал "ох" и послушно повернулся.

Сзади через плечо шла глубокая рана. Она уже зарубцевалась, но область вокруг неё всё ещё была ярко-красной.

Это была царапина от Цзяолуна, полученная во время сражения на горе Туманных Теней. По всей видимости, когти демона были ядовитыми, поэтому рана не заживала несколько дней. К тому же это было неудобное место для обработки, поэтому Ци Шу оставил всё как есть.

— Это может быть больно, — прошептал Гу Ханьцзян. — Потерпи.

Ци Шу сражался с Цзяолуном три дня и три ночи, не обращая внимания на внутренние и внешние раны, которые он получил. Поэтому естественно, боль, которую он испытывал во время лечения, не была большой проблемой. Он уже собирался кивнуть, как вдруг его тело напряглось.

Пальцы Гу Ханьцзяна зачерпнули мазь и осторожно опустились на его плечо.

Возможно, боясь причинить ему боль, Гу Ханьцзян действовал мягко и деликатно, делая и без того слабую боль почти незначительной. Но кожа на ране и так была чувствительной, а после того, как её вот так нежно погладили пальцами и холодное прикосновение мази прошло, на смену ей пришёл зуд, проникающий глубоко в кости.

Ци Шу откинулся в кресле, стиснув пальцами воротник халата, и подсознательно прикусив губу.

Лечение превратилось в пытку.

— Это так больно? — спросил Гу Ханьцзян, почувствовав дрожь в мышцах под ладонью.

— ...mmm, — ответил Ци Шу низким голосом.

Из-за того, что он слишком долго не видел своего учителя, он не выдержал дразнящей провокации, и даже применение успокаивающего лекарства вызвало реакцию, которой не должно было быть.

Ци Шу подогнул ногу, не двигаясь, и его глаза были настолько красными, что казалось, будто он испытывает сильную боль.

— Уже всё? — даже его голос был слабым.

— Да, — Гу Ханьцзян выпрямился, его брови нахмурились в недовольстве. — Я отправил тебя путешествовать, но ты стал ещё более капризным, чем раньше.

«Я не капризничал, я сдерживался, боясь напугать своего учителя!» — возмущённо подумал Ци Шу.

Он встал и поправил свою одежду, прежде чем кое-что понял.

— Значит ли это, что Мастер действительно приказал мне спуститься с горы для путешествия?

И уединение Небесного Почтенного Линсяо, и спуск Ци Шу с горы произошли без всякого предупреждения.

Ци Шу всё ещё помнил, что в день ухода в уединение Небесного Почтенного Линсяо он проснулся, как обычно, и пришёл засвидетельствовать почтение своему учителю, но обнаружил, что дом пуст.

Он ничего не знал о случившемся до утреннего занятия, когда старейшина Цин Лан объявил, что теперь будет исполнять обязанности главы секты.

Уединение культиватора могло длиться как несколько месяцев, так и три-пять лет, и Ци Шу, естественно, был расстроен тем, что его учитель ушёл, не попрощавшись. Но он был всего лишь учеником и не мог оспаривать решение своего учителя.

В то время, когда он не практиковался, он приходил ко входу в пещеру Духовной Пустоты и оставался там по полдня.

После года ожидания он получил приказ от исполняющего обязанности главы секты спуститься с горы и немного попутешествовать.

Секта Меча Куньлунь никогда не заставляла своих учеников отправляться в путешествие. Другая сторона загадочно сказала, что он завершил обучение, поэтому ему следует спуститься с горы и посмотреть мир. Но скрытый смысл был понятен Ци Шу.

Небесный Почтенный Линсяо сейчас находился на критической стадии своего культивирования, и пребывание Ци Шу у входа в пещеру Духовной Пустоты изо дня в день могло повлиять на его культивацию.

Глядя на сложное лицо исполняющего обязанности главы секты, а также на заранее упакованные для него свёртки с магическим оружием на столе, у Ци Шу даже возникло ощущение, что его выпроваживают из дома.

Поэтому, когда он только спустился с горы, Ци Шу почувствовал в своём сердце некоторую обиду.

Услышав этот вопрос, Небесный Почтенный Линьсяо немного замешкался. Он медленно положил мазь и сел обратно на главное сиденье, после чего мягко ответил:

— Да.

Как и ожидалось.

Ци Шу вздохнул с облегчением.

На самом деле, Ци Шу тогда действительно зашёл слишком далеко. Ученик не занимался своими делами, а каждый день ходил в пещеру к своему учителю, где сторожил его более года.

Ци Шу искренне извинился:

— Этот ученик не должен был нарушать уединение Мастера в самом начале, я знаю, что был неправ.

— Я никогда... — слова Гу Ханьцзяна прервались.

Ци Шу моргнул.

Это было редкостью, ведь Небесный Почтенный Линьсяо был на голову выше всех остальных, почитался всеми, был холодным и серьёзным человеком и никогда ещё не был так нерешителен в своей речи, как сейчас.

— ...Ничего.

— Но Мастер явно собирался что-то сказать только что.

— Нет.

Гу Ханьцзян явно не хотел больше разговаривать, его лицо было невыразительным, когда он прогнал своего гостя.

— У тебя травма, возвращайся пораньше и отдохни.

* * *

Ци Шу снова приснился сон.

Во сне Небесный Почтенный Линсяо сидел на вершине скалы и медитировал с закрытыми глазами. Снег летал на вершине скалы, но никак не мог приблизиться к нему.

Внутренняя сила Небесного Почтенного Линсяо была неустойчивой. Он был на грани отклонения ци, его брови были нахмурены, и тёмная аура ци слабо поднималась от его бровей.

— Мастер... — Ци Шу хотел позвать его, но, как и в прошлый раз не смог издать ни звука.

Поэтому он мог только наблюдать, как тёмная ци становилась всё более интенсивной, постепенно поглощая поток духовной энергии вокруг тела Гу Ханьцзяна.

На лице Гу Ханьцзяна появилось болезненное выражение. Вдруг его тело затряслось, и он выплюнул большую порцию крови.

Снег перед ним был залит кровью, и Ци Шу поднял голову, чтобы встретиться с ярко-красными, холодными и безжалостными глазами своего учителя.

* * *

Ци Шу набрал воды и умыл лицо, капли медленно стекали по подбородку.

Его сны становились всё более возмутительными, но в то же время всё более реальными.

Каждый раз, когда он просыпался от них, он уже не мог заснуть снова.

Так жить было невозможно.

Ци Шу вздохнул и вытер воду с лица, намереваясь вернуться в свой дом, чтобы помедитировать, как вдруг услышал резкий звук в ночи.

Как будто что-то разбилось.

Тишина и холод ночного пика Байчжан сделали этот звук ещё более резким. Он и Небесный Почтенный Линсяо были единственными людьми на всём пике, поэтому было совершенно очевидно, откуда исходил этот звук.

— Мастер, вы проснулись?

Ци Шу осторожно подошёл к двери комнаты Гу Ханьцзяна и постучался.

Никто не ответил.

Ци Шу нахмурился.

В комнате было тихо, огоньки свечей давно погасли, поэтому не было похоже, что кто-то проснулся.

Но шум не был ложным.

Подождав мгновение и не услышав ответа, Ци Шу тихо произнёс:

— Мастер, простите меня.

Он толкнул дверь и вошёл внутрь.

В комнате было темно. У культиваторов было отличное зрение, поэтому они могли видеть даже в темноте. Ци Шу с лёгкостью прошёл во внутреннюю комнату, но обнаружил лишь разбитую чашку на полу.

На полу также был разлит чай.

Постельное бельё на кровати было в беспорядке, Ци Шу протянул руку и потрогал его, но оно было холодным.

Ци Шу вдруг немного запаниковал.

Всё было точно так же, как и в прошлый раз: он только проснулся, а его учителя нигде не было.

Неужели его не будет... Опять?

Ци Шу уже собирался встать, как вдруг почувствовал приближение опасной ауры. У него не было времени выхватить меч, поэтому он подсознательно усилил свою ладонь и сильно ударил позади себя.

Пара холодных рук перехватила его запястье.

Руки были настолько сильными, что обхватили его запястье и мягко вывернули его, легко придавив тело Ци Шу к кровати.

В окно лился лунный свет, Ци Шу повернул голову и увидел красивое лицо Гу Ханьцзяна, на котором не было ни грусти, ни радости, между его бровями мерцала тьма.

Это был признак отклонения ци.

Автору есть что сказать:

Это всего лишь третья глава, и все в мире видят, что Ци Шу не может быть гуном, кроме него самого.

Какой несчастный мальчик!

<http://bllate.org/book/12366/1102838>